

Специально для читателей нашего альманаха член Союза журналистов России Николай Тимохин решил затронуть на его страницах, тему русского шансона. И его новым собеседником стал лауреат премии «Шансон года», поэт, писатель, музыкант, композитор, аранжировщик, автор-исполнитель и российский певец — Михаил Шелег.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Михаил, кроме всего того, что я уже перечислил о вас, вы успели засветиться во многих жанрах. Вы были и бардом, и юмористом, и шансонье и вот теперь, что называется, ушли в эстраду. Помогает ли вам полученный ранее опыт, работать в песенном жанре? И что вы для себя почерпнули из него и сохранили?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Эстрада — самый демократичный жанр! В среде бардов, рокеров, шансонье и проч. всегда присутствуют жесткие правила: будь таким же, как мы, иначе — мы тебя не пустим в наш круг. В роке ты должен носить длинные волосы, рваные джинсы, курить план и подпрыгивать на сцене. У бардов — можешь плохо играть на гитаре, но обязан носить бороду и свитер грубой вязки, и, конечно же, песни должны быть в основном о палатках и кострах. В шансоне — стригись коротко или вообще наголо, носи черный свитер с коротким воротом и черный пиджак не по росту большой (чтоб рукава висели), песни, конечно же, о тюрьме и судьбе, и непременно, чтоб хриплым голосом...

А в эстраде (не в попсе!) можно выйти на сцену и в костюме с бабочкой, и в джинсах — лишь бы выглядел чисто и аккуратно. Меня это вполне устраивает.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. За годы вашего творчества вам довелось встречаться со многими интересными людьми. Расскажите о вашей встрече с Михаилом Таничем, что у вас осталось в памяти от общения с ним?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Михаил Исаевич Танич прошел длинный и трудный жизненный путь: он воевал и был награжден орденами и медалями, был незаконно репрессирован (отбывал на лесоповале срок), сочинил

* Название песни Михаила Шелега.

много стихов, ставшими песнями, и заслужил всенародную любовь и признание. В общении же он был человеком контактным, и многие артисты шли к нему за поддержкой и советом.

Однажды, я был у него в гостях с определенной целью: взять интервью для своей книги «Маэстро Шансон». Он очень интересный собеседник. Если ему что-то не нравилось (какой-нибудь артист или событие), он не выплескивал свои эмоции, а весьма аргументировано разбирал качества.

Я учился у него лаконичности в стихах: «Любовь — кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...»

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Вы также общались и с Михаилом Кругом, причем за десять дней до его гибели. Что вы вспоминаете о нем?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. С Михаилом Кругом мы неоднократно встречались и на концертах, и в поездках, и в студиях. Я его называю — наш шансонный Илья Муромец. Парень был простой, но и дистанцию требовал соблюдать — не любил, когда к нему лезли обниматься. В своем творчестве ярко отобразил время и нравы 90-х годов.

Я был у него в гостях в Твери за десять дней до трагического события 1 июля 2002 года. Тоже, как и к Таничу, я приехал взять интервью для книги. Михаил оказался интересным собеседником, на многие вопросы он отвечал, я бы сказал, с несколько философским оттенком.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Ваша песня «За глаза твои карие» — настоящий хит. Буквально вчера я, проходя мимо нашего Дома культуры, слышал, как эта песня доносилась из стоявшего автомобиля. Как вы считаете, почему одна песня, стоит лишь ей появиться на свет, сразу же становится хитом? А другие, хоть и звучат, что называется «из каждого утюга», в итоге становятся всего лишь «песенками-однодневками»? Что тому причиной? Авторы или, может быть, исполнители?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Причина — это зрители. Только зритель делает из песни хит. Если людям песня не нравится, ты хоть сутками крути ее в эфире. Люди ее, конечно, запомнят, но... не полюбят, а отвергнут ее да еще и посмеются. А хорошая песня своим содержанием и ритмом совпадает с сердцебиением, дает человеку подсказку на вопросы «как быть? что делать?» и помогает порой в трудные минуты принять верное решение.

В России во все времена ценились песни со смыслом и чтобы непременно крылатая фраза в припеве! «Зачем вы, девочки, красивых любите? Непостоянная у них любовь...»

Сейчас американская песенная культура к нам проникла и пустила корни, но в основном в виде исполнительского мастерства и эпатажа. Смысла в западных песнях как не было, так и нет: сплошные «ес, ес, ес, ес, ноу, ноу, ноу, ноу» и в конце обязательно «оу, май бэйби!..» Под такие песни хорошо оторваться в ночном клубе, а вот у костра они как-то не прокатываются.

А если твою песню запели под баян на свадьбе, то считай, что она стала народной!

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Во время нашего общения, вы недавно высказали такую мысль, что «сегодня лагерная тема ушла в тень. Даже самые преданные “тюремные” шансонье пишут и поют лирику — публику на блатной шансон сегодня уже не заманить». И я сразу вспоминаю то время, когда сам торговал в 90-е годы аудиокассетами, и подобная музыка всегда пользовалась огромным спросом у покупателей. Значит между шансоном «лихих девяностых» и настоящего времени есть существенная разница. И все же, какой он — новый русский шансон?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Когда свершилась Октябрьская революция, люди пели песни о том, что «Наш паровоз вперед летит...», «...Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» и т.д. А в 90-е годы, когда в стране царил беспредел, когда вылез на поверхность уголовный элемент, время продиктовало свою эстетику. Советские люди всегда любили жанровую, так называемую, блатную песню — такова уж история нашего государства. Своего рода экзотика: в Америке — кантри, а в СССР — блатняк.

Это уж в 1991 году, когда проводили первый фестиваль шансона, пришли к идее назвать его не фестивалем блатной песни, а фестивалем русского шансона. Так появился одноименный жанр эстрадной песни (блатная песня — это устное народное творчество, как частушка, сказка, а русский шансон — жанр эстрадной песни).

Наивысшую популярность русский шансон обрел, когда появилось «Радио Шансон». Все таксисты всех российских городов переключили свои радиоприемники на эту волну. Кого-то тематика песен раздражала, но в основном, я помню, простым людям шансон пришелся по душе: песни хоть и простые, но душевные, содержательные.

Сегодня шансон стал более лирическим, появилось много песен про любовь — жизнь изменилась. Людям не хочется коротать вечер в ресторане под песни о лагере и колючей проволоке. Пусть популярный певец шансона хрипит, но пусть хрипит о любви.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Что для вас служит вдохновением в вашем творчестве? И на какие темы вы предпочитаете писать?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Вдохновением может послужить простое событие: встреча с друзьями, общение с интересной дамой, дорога, прогулка по старому городу, да все что угодно. Песен написано много. В одном концерте и десятую часть не споешь.

Когда был молодым, сочинял для танцев. Потом попал в бардовскую среду, на дворе заканчивался застойный период и начиналась перестройка, и песни были соответствующие — протестные, критические, сатирические. Советский Союз приказал долго жить — стал сочинять блатные, хулиганские песни «за Одессу-

маму» (тогда я написал книгу об Аркадии Северном и увлекся блатной песней). А когда в шансоне все запел про тюрьму и Кольму, я запел лирику.

Сейчас из под пера выходят больше философские песни о жизни, о судьбе...

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Как известно, время не стоит на месте и все меняется. Но как происходят изменения в современной эстрадной песне, об этом неустанно напоминают нам со сцены юмористы. Как вы относитесь к новым песням? Что вы слушаете дома? Какая музыка вам нравится?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Если честно, то дома я магнитофон не включаю. Фоном звучит музыка из телевизора. Я в нее не вслушиваюсь, иначе от содержания меня скрючит. Думаю, что в Советском государстве 99% всего того, что звучит в эфире сегодня, не прошло бы худсовет.

В России всегда было много талантливой молодежи. Уверен, и сейчас ее немало. Но если раньше твой талант оценивали профессионалы по эстетическим критериям, то сегодня его оценивает шоу-бизнесмен по рыночным критериям. А рынок диктует американский шаблон: девушка — разденься, юноша — накрась губы.

Но когда мы собираемся с друзьями на кухне, я включаю записи «Битлз» — это музыка моей юности.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. У творческих личностей часто бытует такое мнение, что их самое лучшее произведение — еще впереди. Согласны ли вы с этим утверждением? И каковы ваши творческие планы? Есть ли в них место на отдых?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Творчество — это не плановое социалистическое хозяйство. Запланировать сочинение хита невозможно! Бывают периоды, когда нет вдохновения — не пишется и все тут! Отчаиваться не стоит. Найдите возможность съездить куда-нибудь, набраться новых впечатлений, эмоций. Глядишь, строчки сами на бумагу побегут.

Юрий Олеша как-то провозгласил: «Не дня без строчки!» Думаю, что этот девиз скорее подошел бы штабному писарю, но не поэту. Не надо следовать этому правилу — а вдруг насочиняешь чего-нибудь, в чем потом и признаться будет стыдно.

Я занимаюсь разными видами творчества: само собой песни, но еще я пишу прозу, но не художественную, а больше мемуарную. Так же очень люблю путешествовать и фотографировать, благо сегодня это стало доступно. Люблю собственноручно верстать макет книги или фотоальбома.

А песни лучше всего сочиняются глубокой ночью.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. В середине 90-х вы написали книгу «Аркадий Северный. Две грани одной жизни». Причем ее первое издание вышло под названием «Споем, жиган!» Расскажите об этой работе. Почему ее героем стал именно Северный? И какие новые ваши книги еще впереди?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. В 1992 году, когда с приходом ельцинской власти, в стране рухнула экономика, работы у артистов не стало. Гастроли все отменили, филармонии позакрывались. Нужно было как-то компенсировать простой. Не сидеть же сиднем и пиво пить. В те годы моя жена вела на радио передачу «Ретро-альбом». В ней она рассказывала об артистах прошлого: Александре Вертинском, Петре Лещенко, Надежде Плевицкой, Анастасии Вяльцевой и др. Когда список имен закончился, жена спросила, кого я могу еще посоветовать. Я предложил рассказать об Аркадии Северном — легендарном исполнителе жанровых песен.

О Северном мы не знали практически ничего. Он не был ни кино-, ни теле-, ни эстрадной звездой. Песни в его исполнении знали многие, а вот биографию никто не знал. Я вышел на знакомых коллекционеров магнитофонных записей и раздобыл материал. Радиопередача вышла, но позже я узнал, что биографическая часть материала была неверной. А где найти верную?

И я отправился на поиски. Интернета тогда еще не было, мобильной связи тоже, поэтому искать людей, которые знали Северного, записывали его и распространяли записи, оказалось делом весьма не простым.

За год я собрал материал, познакомился с хорошими людьми и в итоге выпустил два газетных «подвала» (которые мгновенно разлетелись). Это послужило поводом собрать книгу, куда вошли интервью, размышления о происхождении блатной песни и тексты песен, которые я прослушивал на магнитофоне и конспектировал.

В итоге книга переиздавалась три раза.

Сейчас я работаю над книгой, условное название которой «Природа артиста». Хочу поделиться опытом: как артист ездит на гастроли, как записывается в студии — короче, закулисная жизнь. С приходом интернета это стало делать проще, но и сложнее: люди перестали читать книги. Многие выбрасывают целые библиотеки на помойку. Иногда думаю: а что, если однажды весь интернет в мире накроется! Что вы читать будете?

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Михаил Владимирович, от имени читателей нашего альманаха, я хочу поблагодарить вас за интересную беседу. Ваши песни радуют многих и многих слушателей. Что вы можете пожелать авторам нашего альманаха и его многочисленным читателям?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Что может пожелать автор песен своим коллегам по цеху? Только вдохновения и любви зрителей! А читателям — побольше хороших и красивых песен, чтоб они «...строить и жить помогали!..»